

«Корабль “Ретвизан”»

(Год в Европе и на европейских морях)

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВА

Люблю море женской горячей любовью, стараюсь читать о морских путешествиях, но от старинных воспоминаний Дмитрия Васильевича Григоровича (1822–1899) не ожидала ничего особенного. Просто знала, что он оставил потомкам описание своего плавания на военном корабле «Ретвизан». Купила книжку скорее для порядка, чем по душе. В самом деле, ведь он — писатель скромного дарования: ну кто сегодня помнит его повесть «Антон Горемыка» или рассказ «Гуттаперчевый мальчик»? Не многие...

Меня ожидал приятный сюрприз. Разве не бывает, что скромный литератор блеснет вдруг яркими мемуарами? Так, по счастью, и оказалось.

В книге воспоминаний Григоровича мы встретим блестящий стиль, тонкую наблюдательность, ненавязчивые, уместные вкрапления из собственной биографии. А она интересна! Дмитрий Васильевич рано потерял отца и воспитывался матерью и бабушкой — француженками. По-русски внятно не говорил до 30 лет, понятно, как нелегко ему было в кадетском корпусе и в инженерном училище, где его ближайшим другом стал Достоевский.

Путешествие на военном корабле писатель совершил в 1858–59-х гг. Он был в расцвете сил. Ярко, в деталях преподносит он приготовления к отплытию: хаос кронштадтской жизни, невероятную для него, но привычную для моряков суету сборов и одновременно радость от ожидания скорого плавания.

И вот корабль готов к походу. «Утро было чудеснейшее. Море расстилалось, как зеркало, отражая безоблачное, лучезарное небо. Впереди на всем рейде и даже в самой отдаленной глубине залива не было ни одного судна; сверкающий горизонт перерезывался только стройными мачтами

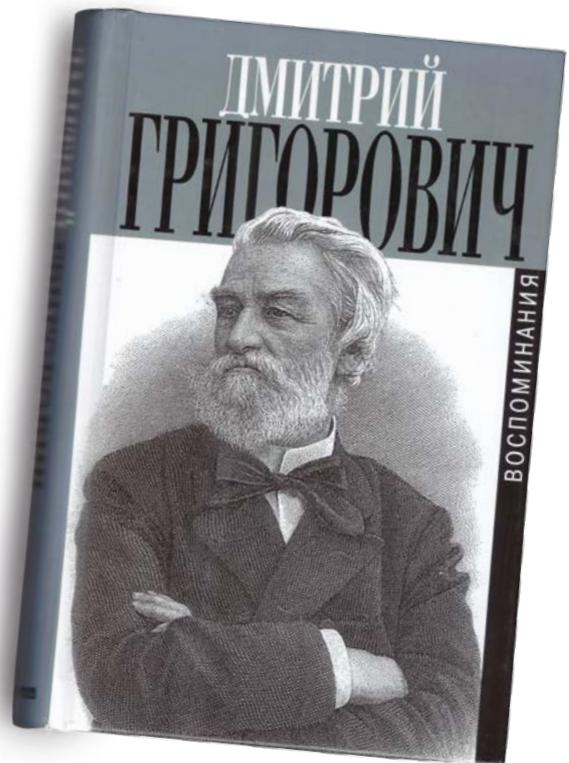
«Ретвизана», который стоял боком от солнца и темною недвижною массою выступал на первом плане пространной светлой картины; выкрашенный заново, вылощенный, выхоленный, он смотрел как-то празднично — точно именинник важного чина и сановитого вида, который, слегка наклонив голову, приветливо, ласково прислушивается к поздравлениям мелкого чиновного люда».

А дальше — выход «Ретвизана» в море, взгляд писателя на морскую службу, тесная дружба с офицерами и рассказ о длительных остановках в разных европейских странах. Григорович подробно живописует ежедневную жизнь на корабле, нравы каждой новой страны, типы общения с местной публикой, обязательно сравнивая увиденное с Россией. Ему показалось важным подробно описать лоцманов, поднимающихся на борт корабля в разных странах. Вот они, все трое. «Первый иностранец, которого я вижу посреди чужеземного воздуха!» — сказал я сам себе, обращая любопытные глаза на появившегося лоцмана. Но Боже, какое разочарование! Представьте себе

тип, совершеннейший тип тех колонистов, которых встречаешь каждое утро на петербургских улицах, в тележках с картофелем! Тот же картуз, те же белокурые, плоские, как щепки, волосы, тот же синий камзол и те же обшлепанные сапоги. Тут только согласился я внутренне, до чего Петербург богат чухонским и немецким элементами», — так автор описал скучного датчанина.

Его англичанин — точно-в-точь литературный герой. «Можете себе представить мое удивление, когда я увидел совершеннейший образец милейшего капитана Кутля, описанного не менее милым Диккенсом; ему было точно так же лет под шестьдесят; он был точно так же в синей толстой куртке, в толстых синих панталонах и клеенчатой матросской шляпе, украшенной медным якорем; для полноты сходства недоставало только железного крючка вместо правой руки и широкого кармана на панталонах, оттопыренного серебряными сахарными щипчиками и чайными ложками».

А вот колоритный испанец. «Это был статный паренёк, лет тридцати, смуглый, как старая гаванская сигара, с толстыми африканскими губами и коричневыми зрачками, блиставшими в желтых, шафранного цвета белках; черные синеватые кудри вырывались из-под низенькой шляпы с загнутыми сверху полями; белый ворот рубашки падал на красный платок с длинными концами; суконная коричневая куртка, шитая синим гарусом, открывала на груди складки рубашки; ее перехватывал у пояса широкий красный кушак; кожаные штгилеты, доходившие до колен, и коричневые панталоны с металлическими пуговками по бокам довершали одежду. Это был первый типический национальный костюм, который приводилось видеть в действительности; до сих пор я встречал его только в театре или на картинках».

Еще фрагмент воспоминаний. «Из бухты вон!» — командует вахтенный. В ту же секунду якорь, разбрызгав вокруг себя пену, шлепается в море; раздается по всему кораблю глухое рокотание якорной цепи, быстро убегающей в воду, — и снова утихает. Мы на якорь!»

Дела давно минувших дней... Но какое удовольствие о них вспомнить! Рекомендую.

P.S. Художнику-маринисту Андрею Троню воспоминания Григоровича необычайно понравились, и он с удовольствием воссоздал образ корабля и типажи лоцманов.

